

Марина Корнилова, Константин Галкин

СЦЕНАРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВОЗРАСТА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ПРАКТИКАХ МОДЕЛИНГА

Статья посвящена анализу того, как люди старшего возраста конструируют и переосмысливают свой возраст через участие в модных показах в качестве моделей. Исследование направлено на реконструкцию способов формирования возрастной идентичности в практиках моделинга и на выявление того, каким образом участие в показах позволяет дистанцироваться от доминирующих представлений о старении, связывающих пожилой возраст с пассивностью и зависимостью от медицинских вмешательств. Эмпирическую базу исследования составили 49 полуструктурированных интервью с жителями Москвы и Московской области в возрасте от 50 до 76 лет, проведенные в июле-сентябре 2024 г. В интервью обсуждались мотивация участия в моделинге, восприятие собственного возраста, значение модных практик в повседневной жизни и способы возрастной саморефлексии через участие в модных показах. Анализ данных осуществлялся методом тематического анализа. Выделены три сценария конструирования возраста: сценарий коммуникации, сценарий бегства и сценарий интеграции. Они различаются по мотивам участия в моделинге и способам презентации возраста, однако во всех случаях моделинг выступает пространством активного взаимодействия с телесностью и возрастной идентичностью. Полученные результаты демонстрируют потенциал самостоятельного конструирования возраста в поздние периоды жизни и расширяют дискуссию о практиках активного долголетия и изменении возрастных норм в современных социальных и культурных контекстах.

Ключевые слова: пожилые люди, конструирование возраста, возрастная идентичность, моделинг, активное долголетие, модные практики

Марина Валерьевна Корнилова — к.социол.н., ст.н.с., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Электронная почта: mmgr@mail.ru

Константин Александрович Галкин — к.социол.н., ст.н.с., Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: kgalkin1989@mail.ru

Цитирование: Корнилова М. В., Галкин К. А. (2026) Сценарии конструирования возраста пожилыми людьми в практиках моделинга. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 125–142.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-125-142

Современные исследователи отмечают значительный сдвиг в социальной геронтологии. За последние десятилетия акцент постепенно смещается от экономических подходов к культурологическим (Kornilova 2023; Slevin 2010; Vinstock 2003). Старение все реже описывается как период выхода на пенсию и прекращения трудовой деятельности, и все чаще как этап, связанный с изменением или поддержанием идентичности. В центре внимания появляется идея социального конструирования пожилого возраста.

В 2016 г. Джина Пелл предложила термин «перенниалы» (*perennials*) описывающий людей разных возрастов, которые продолжают развиваться и не укладываются в логику поколений X, Y, Z (Pell 2024; Jackson et. al. 2010). Похожие наблюдения делает Мауро Гильен, интерпретируя «многолетников» как людей, для которых возраст становится ресурсом позитивных изменений, а не ограничением (Григорьева 2018).

В России меняется само представление о жизни после 50 лет: возраст все меньше определяет стиль жизни, ожидаемые социальные роли и допустимые формы самореализации. Расширяется спектр хобби и занятий, которые раньше считались «несоответствующими» старшему возрасту. Одновременно трансформируется отношение к телесности и внешнему виду: ухоженность и забота о здоровье воспринимаются не как попытка «омолодиться», а как часть активного образа жизни. Эти изменения постепенно создают новые социальные роли и модели поведения — значительно более разнообразные, чем те, что предлагались людям старше 50 еще 5–10 лет назад.

Роль бабушки закреплялась автоматически с появлением внуков, предполагая полное посвящение себя заботе о подрастающем поколении (Зиммель 1996). Юлия Зеликова (2020) отмечает, что образ пожилых женщин в социальных медиа ограничивался рекомендациями хозяйственных товаров, лекарств, продуктов питания и товаров длительного пользования. Однако исследования показывают, что интересы людей старшего возраста значительно шире. В спектре их увлечений находятся не только здоровье или пенсия, а, например, и мода. Так, в интервью об активном долголетии в 2020 г. исследователи обратили внимание, что даже в период пандемии информанты сохраняли ухоженный внешний вид и интерес к самопрезентации (Мануильская 2018; Kornilova 2023; Корнилова 2023). В этой статье моделинг рассматривается как одна из новых площадок активного долголетия, где люди старшего возраста конструируют свое представление о возрасте и пробуют альтернативные формы самовыражения. Такие практики становятся частью более широкого обсуждения

социальной политики, ориентированной на поддержку разнообразных форм участия, расширение возможностей для самореализации и переработку устоявшихся представлений о возрасте.

Обзор имеющихся исследований

В современных социологических теориях представления о возрасте претерпевают концептуальные изменения. Все более заметным становится переход от биологического и хронологического восприятия старения к его социальному и конструктивистскому осмыслению (Gilleard 2025; Phelan 2011). Одним из ключевых направлений этого сдвига является развитие идеи возраста как социального конструкта: гибкой категории, формируемой в зависимости от культурных норм, биографического опыта и контекста, в котором живет человек. То, что еще недавно рассматривалось преимущественно как аналитическая метафора, постепенно превращается в универсальную методологическую стратегию исследования старения (Biggs et al. 2020; Bengtsson 2006). Такой подход позволяет не только описывать разнообразие возрастных траекторий, но и выявлять механизмы воспроизводства социального неравенства, возникающие из повседневных норм и ожиданий, которые придают возрасту символическую, нормативную и структурирующую значимость. В результате возраст перестает быть исключительно биологическим фактом и превращается в один из ключевых элементов социальной организации и идентичности.

Современные подходы к осмыслению возраста подчеркивают его индивидуальный, нелинейный и контекстуально обусловленный характер. Возраст все реже используется как жесткое основание социальной дифференциации и все чаще рассматривается как элемент социальных иерархий, способный одновременно выступать ресурсом идентичности и механизмом исключения (Jose et al. 2016; Hitti et al. 2011). В этой связи усиливается критика жесткой возрастной периодизации, долгое время доминировавшей в демографических, медицинских и образовательных дискурсах. Ей противопоставляется понимание возраста как гибкой и изменчивой категории, зависящей от биографических, социальных и культурных контекстов. В то время как для детства возрастные границы остаются востребованным инструментом, они поддерживаются образовательными и медицинскими нормами и помогают описывать этапы развития, во взрослости и особенно в поздних его периодах такая классификация теряет объяснительную силу. Жизненные траектории становятся слишком разнообразными, чтобы укладываться в жесткие возрастные категории (Bennett 2015). Это смещение акцентов подталкивает исследователей рассматривать поздние этапы жизни через призму социальной репрезентации, самоидентификации и политической субъектности, а не как фиксированный биографический рубеж.

В рамках современных теорий старения особое внимание уделяется пожилому возрасту, его символическим границам и социокультурным механизмам их формирования. Одной из ключевых парадигм, формирующих это осмысление, выступает концепция активного долголетия, подчеркивающая отсутствие универсальных и строго закрепленных норм, регулирующих поведение людей в позднем возрасте (Хрисанфова 1999). В такой ситуации пожилой возраст утрачивает статус фиксированного биографического этапа и все более понимается как социальный проект, реализуемый в индивидуальных практиках и опирающийся на выбор стратегий участия, самопрезентации и управления собственным образом. Отсюда возраст перестает быть объяснительной категорией, а на первый план выходят вопросы того, как представители старшего поколения сами конструируют и репрезентируют свой возраст. Значимыми оказываются характеристики, которые они выбирают в качестве признаков своей возрастной принадлежности, а также те способы, которыми они формируют идентичность (Jones 2006; Katz, Marshall 2004). В конструктивистской перспективе пожилой возраст осмысляется как гибкий и подвижный период, границы которого постоянно пересматриваются. Он характеризуется высокой неоднородностью и амбивалентностью и требует анализа через призму повседневных практик, символических репрезентаций и индивидуальных нарративов (Putney et al. 2005).

В конструировании возрастной идентичности особую роль играет тело. Именно через телесность (внешний вид, манеру одеваться, жесты, походку) люди выражают свое отношение к возрасту и репрезентируют его в глазах других. Поэтому переход от анализа идентичности к анализу телесности является закономерным: тело становится ключевым носителем возрастных смыслов и объектом социальных ожиданий. В разных культурах представления о стареющем теле формируются в рамках определенных норм и символических значений, что делает необходимым учет культурного контекста при изучении телесности.

Традиционные представления о стареющем теле во многих обществах связывают с немощью и потерей привлекательности, что особенно болезненно переживается женщинами (Katz 2015; Polivka 2011; Twigg 2000; 2004). Важным элементом таких представлений выступает идея утраты репродуктивной функции, которая часто рассматривается как маркер наступления старости и усиливает маргинализацию пожилых женщин (Katz 2000). Подобные нормы формируют устойчивые дискурсы старения, где тело интерпретируется через категории увядания, ухудшения здоровья и зависимости (Зеликова 2020).

Дополнительный пласт создают медицинские дискурсы контроля над телом: любые изменения стареющего тела трактуются как симптомы патологий, требующие вмешательства, коррекции или лечения (Katz 2011; King, Calasanti 2006). В результате тело в позднем возрасте становится

объектом пристального наблюдения и регуляции. Медиа и индустрии красоты усиливают эту тенденцию, навязывая стандарты «правильного» телесного поведения и превращая стареющее тело в агента потребительской культуры (Pickard 2016). В условиях постмодерна это приводит к формированию все более узких и жестких норм красоты, адресованных пожилой аудитории. Распространение антивозрастной медицины дополняет этот процесс: старение начинает рассматриваться как болезнь, а тело — как пассивный объект, нуждающийся в устранении «недостатков» с помощью радикальных процедур (Гильен 2024; Gilleard, Higgs 2013). Таким образом, дискурсы стареющего тела создают давление, ограничивая возможные способы самопрезентации.

Однако на фоне доминирования дискурсов пассивной телесности все большую исследовательскую значимость приобретает изучение практик активного долголетия, связанных с самостоятельным конструированием образа через одежду, стиль и самопрезентацию. Создание индивидуального образа позволяет людям старшего возраста конструировать свое «Я» и активно участвовать в процессах самоидентификации. Как отмечают исследователи, мода и стиль становятся пространством, где стареющее тело может быть представлено иначе — как источник самовыражения, креативности и социальной включенности (Aspers 2012). Мода выступает одним из наиболее доступных и социальных способов управления телесным образом. Через выбор стиля, визуальные коды и способы самопрезентации люди конструируют публичное представление о своем возрасте, а значит, мода становится важным инструментом возрастной идентичности. Именно это делает ее значимой для исследования практик активного долголетия: она позволяет не только выражать индивидуальность, но и оспаривать навязанные обществом нормы старения.

Индивидуальный подход к моде и стилю, как отмечали Торстейн Веблен и Георг Зиммель, помогает человеку преодолевать прошлый опыт и создавать новые образы, воплощая личные представления и фантазии (Зиммель 1996). В этом смысле конструирование образа через моду становится формой сопротивления нормативным представлениям о старости и способом сохранения активной позиции в вопросах самовыражения и телесной репрезентации.

Патрик Асперс предлагает рассматривать моду как рынок услуг, в рамках которого конструируются эстетические ценности: различные культурные и социальные группы придают модным изделиям особые смыслы и интерпретируют их в соответствии со своими представлениями (Aspers 2012). В его концепции мода представляет собой сетевую рыночную структуру, результат взаимодействия множества акторов, участвующих в создании, распространении и потреблении модных образов. Асперс выделяет два связанных рынка — производителей и потребителей. Первый отвечает за создание и продвижение модных изделий, второй — за выбор стиля,

формирование идентичности и адаптацию трендов к повседневной жизни (Aspers 2012). Социальные характеристики, включая пол и социальный статус, существенно влияют на формирование модных предпочтений и тенденций. Например, мужские и женские линии одежды часто разрабатываются по разным культурным кодам, а люксовые бренды сохраняют привязку к высоким статусным группам. Спортивный стиль, широко распространенный среди молодежи, выражает стремление к свободе и комфорту.

Значимой становится и активная роль потребителей: именно они участвуют в трансляции образов, формирующих новые тенденции, включая популяризацию моделей старшего возраста. Эта тенденция привела к появлению самостоятельного модного сегмента, ориентированного на зрелую аудиторию, и развитию практик, в которых демонстрация одежды моделями старшего возраста становится частью визуальной нормы. Подобные инициативы продолжают укрепляться в разных странах, включая Россию.

В нашем исследовании особое внимание уделяется тому, что люди старшего возраста выступают не только потребителями, но и активными создателями модных практик. В отличие от пластической хирургии, где тело оказывается пассивным объектом вмешательства, участие в моде предполагает автономное конструирование образа, творческое отношение к телесности и включенность в формирование локальных тенденций. Модельеры старшего возраста, работая с одеждой, стилем и визуальными кодами, превращают моду в инструмент репрезентации возраста и изменения устоявшихся представлений о старении.

Эмпирическая база и методология исследования

Исследование основано на полуструктурированных интервью, проведенных в онлайн-формате с использованием платформ видеосвязи. Всего собрано 49 интервью с жителями Москвы и Московской области. В выборку включались люди в возрасте от 50 до 76 лет, поскольку именно эта возрастная группа активно участвует в программах и практиках активного долголетия, а также в любительском моделинге. Выборка в рамках данного исследования формировалась по квотному принципу, что позволило обеспечить представленность различных возрастных групп и учесть социально-демографические характеристики информантов. На начальном этапе, опираясь на имеющиеся данные об участниках, вовлеченных в практики моделинга среди жителей Москвы и Московской области, определены ключевые критерии отбора. При их формулировании учитывались возраст респондентов, опыт участия в моделинге, характер и интенсивность вовлеченности в соответствующие активности, а также общий социальный и жизненный контекст.

В результате предварительного анализа эмпирического материала сформированы следующие возрастные группы: 50–59 лет (18 чел.), 60–69 лет (24 чел.), 70–76 лет (7 чел.). Подобное распределение отражает

не только количественные различия в представленности групп, но и качественные особенности включенности представителей разных возрастов в практики моделинга. Оно позволило сопоставить способы осмысления возраста, стратегии самопрезентации и характер участия в моделинге у людей, находящихся на разных этапах жизненного пути. Выбор указанных возрастных интервалов был методологически обусловлен исследовательской задачей и теоретическим подходом, в рамках которого возраст рассматривался как социально и культурно конструируемая категория. В контексте старения возраст понимается не как фиксированная биологическая характеристика, а как подвижное и контекстуально обусловленное явление, границы которого формируются в процессе социального взаимодействия и символического производства смыслов (Григорьева и др. 2014). В этом смысле хронологические параметры выступают лишь одним из ориентиров, тогда как центральное значение приобретает субъективное переживание возраста и способы его интерпретации в повседневных и профессиональных практиках.

В связи с этим особое внимание в исследовании уделено анализу того, каким образом представители различных возрастных групп, включая тех, кто формально не относится к категории лиц пожилого возраста, конструируют собственный возраст в рамках практик моделинга. Исследовательский интерес направлен на выявление различий в интерпретации возрастной принадлежности, процессах самоидентификации и стратегиях самопрезентации, а также на анализ специфики включенности в моделинг как формы активности, позволяющей переосмысливать возрастные границы и связанные с ними социальные ожидания. Дополнительно рассматривались различия в мотивации участия, уровне удовлетворенности и субъективной значимости моделинга для представителей различных возрастных групп.

Интервью распределились по возрастным категориям следующим образом: 50–59 лет – 18 человек, 60–69 лет — 24 человека, 70–76 лет — 7 человек. Профессиональный состав информантов оказался разнообразным и отражал их актуальный статус на момент участия в исследовании: инженеры, учителя, военные, художники, бухгалтеры, программисты, редакторы, врачи и демонстраторы одежды. Часть информантов продолжали работать, в том числе после достижения пенсионного возраста: 26 человек из 49 относились к категории работающих, остальные — к неработающим или завершившим трудовую деятельность. Такая структура позволила учитывать различия в занятости как фактор, влияющий на участие в моделинге и восприятие возраста.

Интервью проводились на основе предварительно разработанного гайда. Он включал краткую «паспортичку», позволяющую определить социальный статус информантов, и четыре смысловых блока. В первом блоке обсуждалось отношение к возрасту: его субъективное осмысление, способы самоотнесения к пожилой категории и восприятие старения.

Второй блок посвящен опыту взаимодействия с Центрами московского долголетия как важной инфраструктурой, поддерживающей занятия хобби и социальную активность людей старших возрастов. Третий блок касался отношения к моде и внешнему виду: значимости одежды, привычных стратегий самопрезентации и изменениям в восприятии тела. Четвертый блок сфокусирован на участии в модных показах: мотивации, особенностях участия, эмоциональном опыте и реакции ближайшего окружения.

Для обработки данных использовался тематический анализ, позволяющий выявлять устойчивые смыслы и повторяющиеся паттерны в нарративах участников (Kvale 1994). На этапе кодирования внимание уделялось как описательным темам, связанным с практиками моделинга, так и интерпретативным — отражающим способы, которыми информанты связывали участие в показах с конструированием и репрезентацией своего возраста. Выделенные темы и субтемы стали основой для формулировки трех сценариев конструирования возраста через моделинг. Сценарии, представленные в исследовании, выделены на основании тем, выявленных в ходе анализа эмпирического материала. В работе использовался тематический анализ с элементами конверсационного анализа, в рамках которого исследовательское внимание сосредоточено на детальном рассмотрении отдельных случаев и коммуникативных ситуаций. Такой подход позволил зафиксировать не только содержательные аспекты высказываний респондентов, но и структурные особенности их речевых практик, через которые проявлялись способы осмысления возраста и участия в моделинге.

Эмпирическую базу исследования составили транскрипты глубинных интервью с участниками выборки. В процессе анализа выявлялись повторяющиеся смысловые, лексические и структурные элементы, которые затем концептуализировались и использовались для описания типичных ситуаций конструирования возраста в контексте моделинга. Особое внимание уделялось тому, каким образом респонденты описывают собственный опыт, какие акценты расставляют при обсуждении возраста и какие дискурсивные ресурсы используют для его интерпретации.

На первом этапе анализа осуществлялась идентификация секвенций — относительно завершенных фрагментов интервью, в которых наиболее отчетливо проявлялись способы восприятия респондентами собственного возраста. В этих фрагментах фиксировались высказывания, связанные с участием в практиках моделинга, оценкой внешности и телесности, а также размышления о допустимых и желаемых формах активности в определенном возрасте. Анализ секвенций позволил выделить устойчивые мотивы и повторяющиеся способы интерпретации возрастного опыта. На втором этапе проводился анализ циклов, направленный на выявление взаимосвязей между различными аспектами опыта информантов. В частности, анализировались связи между восприятием собственного возраста, мотивацией участия в моделинге и уровнем удовлетворенности

данной деятельностью. Отдельное внимание уделялось эмоциональному измерению опыта: рассматривались эмоциональные реакции, сопровождающие участие в показах, а также способы переживания признания, успеха, сомнений и неуверенности. В этом контексте моделинг интерпретировался как эмоционально насыщенная практика, в рамках которой переосмысляются возрастная самооценка и ощущение социальной значимости. На третьем этапе анализа выделены ключевые субтемы, положенные в основу описания сценариев, представленных в результатах исследования. Формирование субтем осуществлялось с учетом семантического содержания высказываний респондентов и их соотношенности с исследовательским вопросом. Каждая субтема отражала отдельный аспект конструирования возраста и участия в моделинге, включая способы самоописания, интерпретации телесных изменений, отношение к социальным ожиданиям и оценку собственной активности.

Выделенные на основе субтем сценарии представляют собой аналитические конструкции, описывающие типичные модели осмысления возраста и участия в практиках моделинга. Каждый сценарий обладает собственной внутренней логикой и аналитической целостностью. Совокупность сценариев позволяет раскрыть разнообразие стратегий конструирования возраста и продемонстрировать неоднородность опыта представителей старших возрастных групп, вовлеченных в моделинг.

Конструирование возраста пожилыми людьми через участие в моделинге

Переходя от методологической части к анализу данных, важно отметить, что реконструкция различий в восприятии возраста стала одной из ключевых задач исследования. Предполагалось, что представители разных возрастных групп могут по-разному интерпретировать участие в модных показах. Однако анализ интервью показал, что хронологический возраст играет гораздо меньшую роль, чем индивидуальные установки, жизненные обстоятельства и способы осмысления моделинга. Для большинства участников моделинг становился способом преобразовать повседневность, привнести в нее новые эмоции и тем самым по-новому взглянуть на собственный возраст. Именно эти различия в переживании и интерпретации моделинга легли в основу аналитической типологии. На основе тематического анализа выделены три сценария конструирования возраста: коммуникации, бегства и интеграции.

Сценарий коммуникации

Для представителей данного сценария моделинг становится прежде всего пространством для неформального общения — того, чего многим не хватает в повседневной жизни. Информанты отмечали, что их обычная

коммуникация часто ограничена рабочими задачами или бытовыми вопросами, а разговоры «по интересам» практически отсутствуют. Особенно остро эту нехватку ощущали участники 60+, противопоставляя насыщенную профессиональную коммуникацию прошлых лет нынешней социальной изоляции. Как сформулировал один из информантов: *«Некоторые приходят от того, что оказались одни. У кого какое-то горе случилось. Некоторые приходят от скуки. Я пришел от того, что я веселый...»* (м., 65).

Для таких участников моделинг выполнял функцию расширения социального круга, поиска единомышленников и вхождения в устойчивое сообщество. Участие в показах воспринималось не как путь к профессиональному развитию, а как возможность выйти за пределы рутинных дел и обогатить повседневные досуговые практики. Моделинг открывал доступ к новым видам активности: фотосессиям, дефиле, модным мероприятиям и мастер-классам, — создавая точки входа в социальное взаимодействие, которые отсутствовали в других сферах жизни.

Жизнь моя стала ярче, я поняла, что это то, что я хочу этим заниматься, причем пока вот хочу еще. Если, например, ко мне приходили увлечения, они как-то быстро заканчивались или как-то вот я теряла к ним интерес. Вот, это уже у меня второй год, и я пока... Не хочу на этом заканчивать. Я хочу дальше что-то в себе развить, что-то, да, еще более вот, как бы набраться опыта, ну, каких-то, ну, не совершенствоваться, ну, да, ну, что-то еще в себе развивать дальше. Какие-то вот чисто профессиональные такие вещи (ж., 58).

В рамках сценария коммуникации возраст конструируется через участие в социальных практиках, где моделинг выступает каналом выражения телесности, способом проявления социальной активности и подтверждением собственной включенности в жизнь группы. Здесь возраст определяется не биологическими характеристиками, а возможностью поддерживать связи, быть частью сообщества и сохранять социальную видимость. Такой опыт позволяет участникам воспринимать себя не как «пожилых», а как активных, коммуникабельных и полноценно присутствующих в социальной жизни людей.

Сценарий бегства

Для представителей этого сценария ключевой отправной точкой становится не хронологический возраст, а события, которые символически переводят человека в категорию «пожилых»: появление внуков, выход на пенсию, утрата привычных социальных ролей. Многие участницы отмечали, что традиционная роль бабушки воспринимается как ограничивающая, связанная с бытовой заботой и отсутствием пространства для самореализации. Эти изменения не всегда совпадают с субъективным ощущением возраста, что вызывает напряжение между «тем, как меня видят» и «тем, как я ощущаю себя сама».

В таких ситуациях моделинг становится способом уйти от навязанных ролей и расширить рамки возможного. Участники подчеркивали, что новые телесные образы и смена сценариев повседневности позволяют им почувствовать себя эмоционально моложе:

...это прекрасно, чисто в эмоциональном плане. И поэтому, когда некоторые начинают говорить, ой, мы старые, нас не берут, я думаю, господа, это все от тебя зависит. Я тоже, если посмотрю на себя в зеркало, так, лучше не смотреть, а думать там о другом. Ну, в общем, да, мода помогает, так скажем. <...> (ж., 61).

Для этой группы моделинг — это возможность примерить «другую версию себя»: перенестись в прошлые эпохи, выступить в роли литературного персонажа или воплотить «образ мечты». Такие смены образов ослабляют давление возраста и предлагают символический выход за пределы рутины.

Когда я участвовал в показе у Лиды Бондаревой, когда я прислал ей фотографии, мы выбирали в какой одежде я приду, и она к этой одежде повязала мне шарф и дала цилиндр и очень хочется выйти примерно в таком же виде денди. Английский денди, вот эти вот фильмы о 20–30 гг., сериалы про Пуаро, где все выходят, если переодеваются к ужину в смокинге, в белых брюках, белых шляпах, блейзерах, твидовых пиджаках или твидовых кепках, вот это вот мой любимый стиль (м., 70).

Моделинг позволял временно забыть о бытовых обязанностях, уходе за близкими и пережитых утратах. Для некоторых информантов участие в показах становилось способом прожить сложный жизненный период, восстановить эмоциональное равновесие и вернуть ощущение ценности собственной жизни:

Значит, в 2017 году я съездила на фестиваль «Возраст счастья», который делал Владимир Яковлев, знаете, да? Вот, это в 2017 году. И у меня появилось много знакомых и подруг. Это действительно для меня было счастьем. Потому что до этого был довольно... Грустный период. Вот, и этот возраст счастья позволил мне после такого долгого печального периода, что называется, воскреснуть (ж., 63).

Атмосфера показов (легкая, праздничная, без фокуса на болезнях и проблемах) создает пространство, где негативные переживания временно отступают. Это делает моделинг не просто хобби, а механизмом эмоциональной регуляции и восстановления.

В рамках данного сценария возраст конструируется через создание альтернативного образа себя — более привлекательного, активного и эстетически значимого, чем тот, который предписан культурными стереотипами старения. Возможность свободно выбирать образы и экспериментировать с телесностью укрепляет субъектность участников и становится частью практик активного долголетия.

Таким образом, моделинг позволяет людям старшего возраста не только уйти от ограничивающих возрастных ролей, но и увидеть в себе новые ресурсы, пересобрать отношение к собственному телу и избавиться от представления о старости как о периоде неизбежного упадка.

Сценарий интеграции

Этот сценарий характерен для тех, кто рассматривает моделинг не только как форму досуга, но как возможность профессиональной и творческой самореализации. В этом случае моделинг становится способом включения в модную индустрию — через создание собственных образов, участие в дизайнерских проектах и работу с одеждой. Особенностью данного сценария является сочетание разных практик: моделирования, дизайна, стилизации и организационной деятельности. Модели солидного возраста выстраивают устойчивые профессиональные связи с дизайнерами и организаторами показов, нередко выступая соавторами образов и предлагая собственные стилистические решения:

Вот за моей спиной висит моя одежда, в которой я хожу по улице в теплом время года. Это пончо. Я сделал сам те круги, которые инопланетяне оставляют на полях на Земле. Ну, я их из интернета извлек, сложил из них замечательную картину и отправил на фирму, которая печатает на ткани. И мне привезли будущий пончо. Ну, потом мне его обшили, подвернули. Я такой фантазер, понимаешь, и картины у меня фантастические. <...> (м., 68).

В ходе исследования зафиксированы случаи создания стилистически сложных изделий и даже полноценных коллекций одежды, выполненных мастерами-любителями. Для некоторых информантов моделинг становился точкой входа в более широкий круг творческих инициатив — от дизайнерских коллабораций до участия в модных клубах и специализированных сообществах:

...Вот как бы единожды меня Наталья Афоничкина пригласила на свой показ <...>. Ну, у нее и была школа шитья, но она еще организовала шоу лоскутного шитья, в котором я как бы постоянный участник как модель. И плюс ко всему, плюс ко всему, она меня, конечно, привлекает как дизайнера. То есть, чтобы я, ну, так как я вяжу, у нее еще она организовала модный клуб такой, где она собирает вот всех таких творческих модных людей в любом направлении, не только лоскутное шитье. И как бы вот она подтягивает меня, подтягивает... (ж., 67).

Расширение профессиональных контактов и регулярное участие в показах открывало доступ и к другим формам занятости: съемкам в телевизионных проектах, кино и рекламных кампаниях. Для представителей этого сценария ключевыми мотивами становились желание сменить сферу деятельности, сохранить занятость после выхода на пенсию или монетизировать хобби. Моделинг воспринимался как новая область приложения усилий

и способ поддержания социальной и экономической автономии в условиях ограниченных возможностей традиционного трудоустройства.

Процесс интеграции в модную среду сопровождался развитием профессиональных навыков: работы с телом и камерой, взаимодействия с дизайнерской одеждой, участия в мероприятиях, а также освоением основ самопрезентации и продвижения личного бренда. Эти участники подчеркивали ценность включения в экспертный дискурс, осведомленности о тенденциях и возможности критически переосмысливать как рекомендации индустрии, так и собственный возраст. В рамках сценария интеграции конструирование возраста происходило через вовлеченность в процессы создания модных образов и предметов одежды. Участие в дизайнерских практиках усиливало чувство значимости, позволяло сохранять и переосмысливать профессиональную субъектность и формировало представление о позднем возрасте как этапе продолжения, а не завершения активной деятельности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что участие в моделинге выступает значимым механизмом конструирования возраста у людей старшего поколения. Анализ интервью позволяет утверждать, что восприятие возраста формируется не столько под влиянием хронологических границ, сколько через индивидуальные ценностные установки, жизненный опыт и способы включенности в социальные практики. Моделинг в этом контексте становится пространством, где возраст не задан заранее, а создается и переосмысливается самими участниками.

В ходе исследования выделены три сценария конструирования возраста: коммуникации, бегства и интеграции. Каждый из них отражает особую логику осмысления старения и разные способы работы с возрастной идентичностью. В сценарии коммуникации моделинг выступает прежде всего как средство расширения социальных связей и включенности в общество. В сценарии бегства он позволяет дистанцироваться от навязанных возрастных ролей, рутины и травматичного опыта, создавая альтернативный образ себя. Сценарий интеграции связан с профессионализацией и включением в модную индустрию, где возраст становится ресурсом опыта, креативности и социальной значимости.

Важно подчеркнуть, что выявленные сценарии не привязаны жестко к хронологическому возрасту информантов. Ключевую роль играет мотивация участия в моделинге и субъективное восприятие собственного возрастного статуса. Во всех сценариях прослеживается стремление уйти от пассивной модели старения, в рамках которой возраст определяется через медицинский контроль и коррекцию тела. Напротив, моделинг позволяет участникам воспринимать телесность как активный ресурс самовыражения и осознанного выбора.

Использование конструктивистской теоретической рамки дало возможность показать, каким образом через модные практики формируются новые формы саморепрезентации возраста и телесности. Участие в моделинге становится частью практик активного долголетия, расширяя доступные людям старшего возраста способы социальной вовлеченности, творчества и самоидентификации. В этом смысле моделинг можно рассматривать не только как индивидуальное хобби, но и как социально значимую практику, способствующую переосмыслению возрастных норм.

Результаты исследования указывают на потенциал включения подобных инициатив в более широкий контекст социальной политики активного долголетия. Поддержка разнообразных форм культурной и творческой активности позволяет учитывать неоднородность старшего поколения и создавать условия для самостоятельного конструирования жизненных стратегий в позднем возрасте. Это смещает фокус социальной политики с универсальных возрастных категорий на поддержку индивидуальных траекторий старения и расширение возможностей социальной субъектности.

Список источников

- Гильен М. (2024) Вне поколений. *Новые правила работы и жизни*. М.: Альпина.
- Григорьева И. А. (2018) Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера. *Женщина в российском обществе*, 1 (86): 5–18.
- Григорьева И. А., Бершадская Л. А., Дмитриева А. В. (2014) На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17 (3): 151–167.
- Зеликова Ю. А. (2020) «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 12 (2): 124–145.
- Зиммель Г. (1996) *Мода. Избранное*. Т. 2. М.: Юрист.
- Корнилова М. В. (2023) Пожилые москвичи и пандемия: время новых возможностей? *Социальная политика и социология*, 22 (146): 84–92.
- Мануильская К. М. (2018) Мода и стиль как один из факторов активного долголетия. *Человек*, (2): 66–78.
- Хрисанфова Е. Н. (1999) *Основы геронтологии (антропологические аспекты)*. М.: ВЛАДОС.
- Aspers P. (2012) *Markets in Fashion: A Phenomenological Approach*. UK: Routledge.
- Bengtsson V. (2006) Theorizing and Social Gerontology. *International Journal of Ageing and Later Life*, 1 (1): 5–9.
- Bennett A. (2015) Youth Culture, Ageing and Identity. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. Routledge: 353–360.
- Biggs S., Hendricks J., Lowenstein A. (2020) *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology*. Routledge.
- Binstock R. H. (2003) The War on 'Anti-ageing Medicine.' *The Gerontologist*, 43 (1): 4–14.
- Gilleard C. (2025) Revisiting the Social Construction of Old Age. *Ageing & Society*, 45 (3): 500–513.
- Gilleard C., Higgs P. (2013) *Ageing, Corporeality and Embodiment*. New York: Anthem Press.

- Hitti A., Mulvey K. L., Killen M. (2011) Social Exclusion and Culture: The Role of Group Norms, Group Identity and Fairness. *Anales de psicología*, 27 (3): 587–599.
- Jackson S., Scott S. (2010) *Theorizing sexuality*. UK: McGraw-Hill Education.
- Jones R. L. (2006) 'Older People' Talking as if They Are Not Older People: Positioning Theory as an Explanation. *Journal of Aging Studies*, 20 (1): 79–91.
- Jose J. P., Cherayi S., Sudhakar S. (2016) Age Identity and Social Exclusion of Older Persons: A Psychosocial Perspective. *Ageing International*, 47 (1). DOI:10.1007/s12126-021-09409-x.
- Katz S. (2000) Busy Bodies: Activity, Aging, and the Management of Everyday Life. *Journal of Aging Studies*, 14 (2): 135–152.
- Katz S. (2011) *Hold on! Falling, Embodiment, and the Materiality of Old Age*. In: M. J. Casper, P. Currah (eds.) *Corpus: An Interdisciplinary Reader on Bodies and Knowledge*. New York: Palgrave Macmillan: 187–205.
- Katz S. (2015) *Ageing, Risk and the Falling Body*. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. UK: Routledge: 165–172.
- Katz S., Marshall B. L. (2004) Is the Functional 'Normal'? Aging, Sexuality and the Bio-Marking of Successful Living. *History of the Human Sciences*, 17 (1): 53–75.
- King N., Calasanti T. (2006) Empowering the Old: Critical Gerontology and Anti-Aging in a Global Context. In: J. Baars, D. Dannefer, C. Phillipson, A. Walker (eds.) *Aging, Globalization, and Inequality: The New Critical Gerontology*. Routledge: 139–157.
- Kornilova M. V. (2023) Fashionable Activity in Older Age: Opportunities and Risks. In: *Conference Reports: Social Work & Social Research. Financial Capability and Asset Building for All*. Azerbaijan: Baku: 163–166.
- Kvale S. (1994) Ten Standard Objections to Qualitative Research Interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*, 25 (2): 147–173.
- Pell G. (2024) *We are Perennials — Why Agelessness is a Mindset*. Available at: <https://www.acertainagepod.com/shows/wearereperennials> (accessed 18.04.2024).
- Phelan A. (2011) Socially Constructing Older People: Examining Discourses Which Can Shape Nurses' Understanding and Practice. *Journal of Advanced Nursing*, 67 (4): 893–903.
- Pickard S. (2016) *Age Studies: A Sociological Examination of How We Age and Are Aged through the Life Course*. UK: University of Liverpool.
- Polivka L. (2011) Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging. *Journal of Applied Gerontology*, 30 (2): 173–184.
- Putney N. M., Alley D. E., Bengtson V. L. (2005) Social Gerontology as Public Sociology in Action. *The American Sociologist*, 36 (3–4): 88–104.
- Slevin K. F. (2010) 'If I Had Lots of Money... I'd Have a Body Makeover': Managing the Aging Body. *Social Forces*, 88 (3): 1003–1020.
- Twigg J. (2000) Carework as a Form of Bodywork. *Ageing & Society*, 20 (4): 389–411.
- Twigg J. (2004) The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology. *Journal of Aging Studies*, 18 (1): 59–73.

SCENARIOS OF AGE CONSTRUCTION AMONG OLDER ADULTS IN MODELLING PRACTICES

This article examines how older adults construct and reinterpret their age identity by participating in fashion shows as models. It aims to reconstruct the formation of age identity within modelling practices, exploring how participation in fashion shows enables individuals to distance themselves from dominant representations of ageing that associate later life with passivity and dependence on medical interventions. The study is based on 49 semi-structured interviews conducted with Moscow and Moscow region residents aged 50 to 76 between July and September 2024. These interviews covered motivations for modeling, perceptions of one's own age, the role of fashion practices in daily life, and forms of age-related self-reflection through participation in fashion shows. The data were analysed using thematic analysis. Three scenarios of age construction were identified: the communication scenario, the escape scenario and modes of age presentation. However, modelling always functions as a space for active engagement with bodily experience and age identity. The findings demonstrate the potential for self-directed age construction in later life, contributing to ongoing discussions on active ageing practices and the transformation of age norms in contemporary social and cultural contexts.

Keywords: older adults, age construction, age identity, modeling, active ageing, fashion practices

Citation: Kornolova M., Galkin K. (2026) Stsenarii konstruirovaniya vozrasta pozhilymi lyud'mi v praktikakh modelinga [Scenarios of Age Construction among Older Adults in Modelling Practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1): 125–142.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-125-142

References

- Aspers P. (2012) *Markets in Fashion: A Phenomenological Approach*. UK: Routledge.
- Bengtsson V. (2006) Theorizing and Social Gerontology. *International Journal of Ageing and Later Life*, 1 (1): 5–9.
- Bennett A. (2015) Youth Culture, Ageing and Identity. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. Routledge: 353–360.

Marina Kornolova — Cand. Sci. (Sociol.) Senior Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation. Email: mmrr@mail.ru

Konstantin Galkin — Cand. Sci. (Sociol.), Senior researcher, Sociological Institute FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation. Email: Kgalkin1989@mail.ru

- Biggs S., Hendricks J., Lowenstein A. (2020) *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology*. Routledge.
- Binstock R. H. (2003) The War on 'Anti-aging Medicine.' *The Gerontologist*, 43 (1): 4–14.
- Gilleard C. (2025) Revisiting the Social Construction of Old Age. *Ageing & Society*, 45 (3): 500–513.
- Gilleard C., Higgs P. (2013) *Ageing, Corporeality and Embodiment*. New York: Anthem Press.
- Pell G. (2024) *We are Perennials — Why Agelessness is a Mindset*. Available at: <https://www.acertainagepod.com/shows/weareperennials> (accessed 18 April 2024).
- Grigorieva I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: 'vniz po lestnice' vozrasta i genera [Older women: 'down the ladder' of age and gender]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [A Woman in Russian Society], 1 (86): 5–18.
- Grigor'eva I.A., Bershadskaya L. A., Dmitrieva A. V. (2014) Na puti k normativnoj modeli otnoshenij obshchestva s pozhilymi lyud'mi [On the Path to a Normative Model of Society's Relations with the Elderly]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 17 (3): 151–167.
- Guillen M. (2024) *Vne pokolenij. Novye pravila raboty i zhizni*. [Beyond Generations. New Rules of Work and Life]. Moscow: Alpina.
- Hitti A., Mulvey K. L., Killen M. (2011) Social Exclusion and Culture: The Role of Group Norms, Group Identity and Fairness. *Anales de psicologia*, 27 (3): 587–599.
- Jackson S., Scott S. (2010) *Theorizing sexuality*. UK: McGraw-Hill Education.
- Jones R. L. (2006) 'Older People' Talking as if They Are Not Older People: Positioning Theory as an Explanation. *Journal of Aging Studies*, 20 (1): 79–91.
- Jose J. P., Cherayi S., Sudhakar S. (2016) Age Identity and Social Exclusion of Older Persons: A Psychosocial Perspective. *Ageing International*, 47 (1). DOI:10.1007/s12126–021–09409-x.
- Katz S. (2000) Busy Bodies: Activity, Aging, and the Management of Everyday Life. *Journal of Aging Studies*, 14 (2): 135–152.
- Katz S. (2011) *Hold on! Falling, Embodiment, and the Materiality of Old Age*. In: M. J. Casper, P. Currah (eds.) *Corpus: An Interdisciplinary Reader on Bodies and Knowledge*. New York: Palgrave Macmillan: 187–205.
- Katz S. (2015) *Ageing, Risk and the Falling Body*. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. UK: Routledge: 165–172.
- Katz S., Marshall B. L. (2004) Is the Functional 'Normal'? Aging, Sexuality and the Bio-Marking of Successful Living. *History of the Human Sciences*, 17 (1): 53–75.
- Khrisanfova E. N. (1999) *Osnovy gerontologii (antropologicheskie aspekty)* [Fundamentals of Gerontology (Anthropological Aspects)]. Moscow: VLADOS.
- King N., Calasanti T. (2006) Empowering the Old: Critical Gerontology and Anti-Aging in a Global Context. In: J. Baars, D. Dannefer, C. Phillipson, A. Walker (eds.) *Ageing, Globalization, and Inequality: The New Critical Gerontology*. Routledge: 139–157.

- Kornilova M. V. (2023) Fashionable Activity in Older Age: Opportunities and Risks. In: *Conference Reports: Social Work & Social Research. Financial Capability and Asset Building for All*. Azerbaijan: Baku: 163–166.
- Kornilova M. V. (2023) Pozhilye moskvichi i pandemiya: vremya novyh vozmozhnostej? [Elderly Muscovites and the Pandemic: A Time for New Opportunities?]. *Social'naya politika i sociologiya* [Social Policy and Sociology], 22 (146): 84–92.
- Kvale S. (1994) Ten Standard Objections to Qualitative Research Interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*, 25 (2): 147–173.
- Manuil'skaya K. M. (2018) Moda i stil' kak odin iz faktorov aktivnogo dolgoletiya [Fashion and Style as One of the Factors of Active Longevity]. *Chelovek* [Man], (2): 66–78.
- Phelan A. (2011) Socially Constructing Older People: Examining Discourses Which Can Shape Nurses' Understanding and Practice. *Journal of Advanced Nursing*, 67 (4): 893–903.
- Pickard S. (2016) *Age Studies: A Sociological Examination of How We Age and Are Aged through the Life Course*. UK: University of Liverpool.
- Polivka L. (2011) Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging. *Journal of Applied Gerontology*, 30 (2): 173–184.
- Putney N. M., Alley D. E., Bengtson V. L. (2005) Social Gerontology as Public Sociology in Action. *The American Sociologist*, 36 (3–4): 88–104.
- Simmel G. (1996) *Moda. Izbrannoe* [Fashion. Favorites]. Vol. 2. Moscow: Lawyer.
- Slevin K. F. (2010) 'If I Had Lots of Money... I'd Have a Body Makeover': Managing the Aging Body. *Social Forces*, 88 (3): 1003–1020.
- Twigg J. (2000) Carework as a Form of Bodywork. *Ageing & Society*, 20 (4): 389–411.
- Twigg J. (2004) The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology. *Journal of Aging Studies*, 18 (1): 59–73.
- Zelikova Yu.A. (2020) 'Chuvstvuyu sebya prosto babushkoj'. Starenie, ejdzhizm i seksizm v sovremennoj Rossii ['I Feel Like a Mere Grandmother.' Aging, Ageism and Sexism in Modern Russia]. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovanij* [Laboratorium. Journal of Social Research], 12 (2): 124–145.